

Каноны интерпретации уголовного права в практике Верховного Суда США

Научный руководитель – Крылова Наталья Евгеньевна

Ларионов Павел Алексеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного права и криминологии, Москва, Россия

E-mail: larionov2299@gmail.com

Уголовно-правовая интерпретация, обладающая в каждой правовой системе своими особенностями и повышенными конституционными требованиями валидности, в практике Верховного Суда США представлена рядом общих и специальных канонов, которые далее будут рассмотрены подробнее.

(1) «Супремасизм текста» («supremacy of the text»).

Этот канон, умышленно поставленный в число первых для анализа в настоящей статье, имеет особое значение при толковании любых законоположений в американской системе. Суть этого канона можно сформулировать следующим образом: «толкование всегда должно начинаться с установления буквального смысла нормы». Причем сформулированное правило вовсе не означает, что на этом этапе интерпретация заканчивается. Приоритет или, говоря словами американской высшей судебной инстанции, «супремасизм» этого канона имеет скорее алгоритмическую природу. Как писал судья А.Скалия в особом мнении к решению по делу *Chisom v. Roemer*, «начинать с другого значит начинать задом наперед» [4].

В этом смысле под «супремасизмом» понимается именно **порядок использования различных канонов интерпретации, первоочередным в котором всегда должен стоять канон буквального толкования**. Однако, как прямо отмечается в уголовном деле *United States v. Turkette*, «канон интерпретации, предполагающий приоритет буквального толкования уголовно-правовых норм не может применяться вопреки здравому смыслу и цели конкретного законоположения» [2].

(2) Приоритет конституционного толкования.

Приоритет буквального толкования правовой нормы, рассматриваемый в США в качестве одного из главных канонов интерпретации, является по своей сути выражением системы разделения властей, в соответствии с которой судебная власть исходит в первую очередь из презумпции адекватности текста толкуемой нормы воле законодателя, по общему правилу обязательной для всякого суда. Развитие этой презумпции содержится в другом каноне интерпретации – приоритете конституционности буквального толкования.

В деле *Clark v. Martinez*, Верховный Суд США отметил, что при наличии нескольких вариантов толкования одной и той же уголовно-правовой нормы, суду следует безальтернативно выбирать то толкование, которое согласуется с текстом Конституции США.

Указанный канон интерпретации, как и в случае с предыдущим каноном, позволяет суду отступать от буквального толкования, когда того требует интерес сохранения закона в силе. В то же время, как отметил Верховный Суд США в деле *Jennings v. Rodriguez*, приоритет конституционного толкования является именно интерпретационным каноном, а не способом корректирования текста дефектного акта, а потому суд, используя этот канон, «должен не переписывать закон, а лишь толковать его». Отсюда, если норма вообще не допускает интерпретации, которая бы согласовывалась с Конституцией США, Суд вправе перейти к полноценной проверке ее конституционности с возможностью, затем, признать ее не соответствующей Конституции.

(3) Контекстные каноны.

В деле Верховного Суда США *Fischer v. United States* подсудимый обвинялся в участии в событиях 6 января 2021 года, когда толпа вооруженных граждан проникла в американский парламент с целью помешать утверждению вице-президентом США результатов президентских выборов. Задача, которую стороны поставили перед Верховным Судом США в этом деле, состояла в установлении смысла выражения «иным образом воспрепятствовать проведению официальных процедур» в контексте уголовно-правового запрета, предусмотренного разд. 18 Свода законов США (§1512(c)(2)).

В этом решении при толковании уголовно-правовых норм Верховный Суд США ссылается сразу на несколько канонов интерпретации, которые обобщенно можно назвать «контекстными», – *noscitur a sociis* и *eiusdem generis*. Последние, как указывает суд, «часто используются одновременно при толковании конкретных терминов».

Согласно первому из канонов – *noscitur a sociis* («известный окружающим») – при толковании любого термина «ему придают смысл окружающие его слова, с которыми он находится в непосредственной связи».

В то же время этот канон не вполне давал ответ на поставленный перед судом вопрос о значении обобщающего термина «иным образом», использованного в конце перечня альтернативных деяний. Для уяснения его смысла Верховный Суд США использовал производный или, лучше сказать, специальный канон, предназначенный для установления смысла таких «обобщающих терминов» – *eiusdem generis* («того же рода»). Этот канон, отсылающий к философскому учению Аристотеля о родах и родовых признаках предметов, указывает правоприменителю, что характер и признаки обобщающего термина должны соответствовать характеру и признакам уже названных законодателем терминов. Верховный Суд США прямо указал, что «обобщающий термин, расположенный в конце перечня конкретных деяний, обычно определяется с помощью стоящих перед ним конкретных терминов».

В практике Верховного Суда США встречается еще один контекстный канон – «канон последовательности содержания». В деле *Pulsifer v. United States*, Суд прямо ссылается на труд А. Скалиа и Б. Гарнера, применяя предложенное ими правило, согласно которому «один и тот же термин, использованный несколько раз в одном акте, имеет одно и то же содержание». При этом, в деле *Return Mail, Inc. v. United States Postal Services*, Верховный Суд США оговорился, что указанный канон представляет собой лишь опровержимую юридическую презумпцию и допустил, что «в зависимости от контекста, значение слова может меняться» [3].

(4) Каноны эффективности текста.

Приведенные выше каноны контекстной интерпретации – примеры *текстуального* подхода к толкованию, при котором текст «толкует сам себя». К ним следует добавить еще два, связанных с сохранением смысла и содержания каждого использованного в тексте термина и выражения (канон «неизбыточности») и толкованием их таким образом, который бы позволил в полной мере достичь поставленной перед нормой цели (канон «максимальной эффективности»).

Канон «максимальной эффективности» упоминался в практике Верховного Суда США еще в XIX веке в деле *Prigg v. Pennsylvania*. В тексте решения Суд прямо сформулировал правило интерпретации, согласно которому «положение должно толковаться таким образом, чтобы, не отступая от текста, наиболее полно достигалась его цель». При этом Суд прямо не применил этот канон непосредственно к уголовно-правовой интерпретации, указав лишь, что с его помощью можно толковать текст Конституции США.

Последнее неудивительно, ведь толкование закона по цели в уголовно-правовой сфере может быть сопряжено с бесконечным расширением объема толкуемой нормы. Любой уго-

ловный закон создается с целью предотвращения и пресечения преступной деятельности, и эта цель, бесспорно, может достигаться и через распространение уголовной ответственности даже на те случаи, которые прямо нормами права не охватываются.

Этому препятствует выработанный в большинстве правовых систем принцип законности, суть которого выражается в формуле *«nullum crimen, nulla poena sine lege»* и который ограничивает «эффект» положений уголовного закона только теми деяниями, которые ими прямо запрещены. Об этом Верховный Суд США пишет в самом решении, указывая, что *«полное достижение цели»* законоположения возможно лишь при условии *«неотступления от его текста»*.

Гораздо большее приложение к уголовно-правовой интерпретации имеет канон «неизбыточности», который требует от правоприменителя толковать закон таким образом, чтобы интерпретация одного термина не лишала смысла все другие термины и конструкции, устраняя тем самым их эффективность (действенность).

Это хорошо продемонстрировано в особом мнении судей Е. Кейган и С. Брейра к решению Верховного Суда США по делу *Lockhart v. United States*. Судьи, не соглашаясь с позицией большинства по вопросу о разграничении терминов «сексуальное домогательство», «сексуальное домогательство с отягчающими обстоятельствами» и «сексуальное домогательство в отношении малолетнего», указывают, что *«канон избыточности должен применяться, когда предлагаемое толкование позволяет придать самостоятельный смысл каждому использованному термину или положению закона»*. Именно из-за совпадений в объемах указанных выше терминов в позиции большинства и, как следствие, устранения содержания двух из них, судьи высказали свое несогласие.

(5) Ссылочный канон.

В уголовном деле *Brown v. United States* о хранении оружия лицом, ранее осужденным за совершение тяжкого преступления, Верховный Суд США решал, является ли хранение наркотических средств, за которое лицо было осуждено по закону штата, фелонией (или, иначе, «тяжким преступлением») по федеральному законодательству. Уголовно-наказуемым с точки зрения федерального уголовного права США хранение наркотиков становится, если в момент его совершения в приложениях к федеральному законодательству о противодействии распространению наркотических средств содержалось указание на конкретный хранимый наркотик.

В этом деле Верховный Суд США подчеркнул разницу между толкованием уголовно-правовых норм, содержащих *«общие ссылки на регулирование»*, и норм, содержащих *«ссылки на конкретные положения»*. В первом случае, как указывает Суд, применяемая норма должна толковаться с учетом той редакции законодательства, которая действует в момент толкования. В конкретном деле это означает, что преступным признается хранение такого вещества, которое на момент хранения было включено в список запрещенных.

Если же в тексте документа содержится отсылка к конкретному положению, то норма подлежит толкованию с учетом редакции, *«действовавшей в момент принятия толкуемой нормы»*. Это значит, что уголовно-наказуемым является хранение лишь тех наркотиков, которые были включены в список на момент закрепления в уголовном праве ссылки на этот перечень или соответствующих регулятивный закон.

Идея, положенная в основу этого канона, проста: если Конгресс, конструируя норму, обобщенно сослался на регулирование без указания конкретного закона, то, по мнению Верховного Суда США, он подразумевал возможность в дальнейшем изменения этого регулирования, а значит и применение этого регулирования к будущим уголовно-правовым отношениям даже с учетом внесенных в него поправок. Если же Конгресс указывает на конкретную норму, делая на нее однозначную ссылку, то при толковании нормы цели установления ее смысла служит только актуальная на момент создания нормы редакция,

а все последующие поправки не подлежат принятию во внимание.

(6) Канон виновности.

В отличие от российской правовой системы, Конституция и уголовно-правовые нормы США допускают объективное вменение и не всегда требуют доказывания определенного субъективного отношения обвиняемого для целей привлечения его к уголовной ответственности. Однако, как следует из практики Верховного Суда США, такие случаи весьма ограничены и в современной правовой системе США представляют скорее исключение, чем правило.

Начало процессу отказа от объективного вменения положил Типовой уголовный кодекс при создании элементной структуры преступления. Положения кодекса прямо закрепляют, что «умолчание» о субъективном отношении виновного к конкретному элементу преступления означает, что в отношении этого элемента «минимальной степенью вины» выступает «легкомыслие». Такой подход принят абсолютным большинством штатов.

Однако федеральное уголовное законодательство не имплементировало Типовой уголовный кодекс и остается приверженным общему праву. Но Верховный Суд США, следуя логике Типового уголовного кодекса, разработал *канон виновности*, в соответствии с которым для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить требуемое состояние психики в отношении преступного деяния, результата и сопутствующих им обстоятельств.

Так, в деле *United States v. X-Citement Videos, Inc.* Верховный Суд США прямо указал, что «*даже самое естественное грамматическое толкование не должно становиться препятствием в применении требования установления виновности*». В указанном деле обвиняемый привлечен к уголовной ответственности за распространение порнографии, содержащей изображения несовершеннолетних. Норма, которая впоследствии признана Верховным Судом США неконституционной, звучала как «сознательное распространение порнографии, содержащей изображения несовершеннолетних». Учитывая, что термин «сознательное» текстуально расположено только с описанием преступного поведения (“*actus reus*”), перед Верховным Судом США был поставлен вопрос, достаточно ли, чтобы сознательным было только само распространение, или же прокурору необходимо также доказать, что виновный «осознавал», что распространяет именно порнографию с участием несовершеннолетних. И Верховный Суд США с опорой на *канон виновности* сделал вывод в пользу последнего [1].

Приведенное положение иерархически противопоставляет *канон виновности* как минимум канону «супремасизма текста» и контекстуальному канону *noscitur a sociis*, которые на первый взгляд связывают субъективное отношение виновного лишь с самим преступным поведением. Следовательно, этим решением указанный канон интерпретации трансформировался из инструмента установления смысла нормы в принцип уголовной ответственности, отступление от которого допустимо лишь в прямо указанных в законе случаях, которые, как уже отмечалось, весьма немногочисленны.

(7) Канон ретроактивности.

Запрет обратной силы норм, устанавливающих уголовную ответственность или ухудшающих положение лица, к которому они применяются, не нашел формального закрепления в Конституции США и североамериканском законодательстве. Тем не менее, его существование в судебной практике обусловлено соображениями справедливости и общими принципами права, которые и стали основой для канона ретроактивности.

Согласно этому канону, описанному в деле *Landgraf v. USI Film Products*, «закон, устанавливающий ответственность или ограничивающий в правах, или создающий новое основание для взыскания, не может быть истолкован с целью применения к обстоятельствам, имевшим место до его принятия».

Однако в том же деле Верховный Суд США приводит и обратную позицию, согласно которой *«законы, предоставляющие право на возмещение, должны толковаться нестрого, позволяя, если того требуют интересы правосудия, применять их ретроспективно»*.

При ближайшем рассмотрении двух сформулированных правил становится очевидно, что Суд на самом деле говорит об одном и том же, но с разных сторон, не делая итогового вывода о возможности или невозможности ретроспективно применять уголовно-правовые нормы и иные положения об ответственности. Как в случае с обвиняемым, к которому применяется норма, вступившая в силу после совершения преступления, так и в случае с потерпевшим, которому новый закон предоставляет не существовавший в момент причинения вреда способ защиты, обвиняемый подвергается ограничениям, которые он не мог предвидеть в момент совершения наказуемого деяния.

В этой связи, говорить о четко сформулированном правиле интерпретации скорее нельзя, а решение вопроса о возможности применения одного из процитированных канонов полностью находится в дискреции правоприменителя.

(8) Канон снисходительности.

Содержание этого канона сходно с содержанием ч. 3 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая обязывает отечественного правоприменителя толковать все сомнения в доказанности обвинения в пользу подсудимого. Судебная практика США конкретизирует эту идею и устанавливает, что толкованию в пользу обвиняемого подлежат не только факты, но и сам применяемый уголовный закон при решении вопроса о возможности его распространения на поведение подсудимого.

В этом смысле канон снисходительности требует от суда использовать то толкование закона, которое, с одной стороны, наиболее благоприятствует стороне защиты и обвиняемому или, с другой стороны, толковать его против государства. Во втором варианте этот канон схож с правилом толкования договора против стороны, его составившей (или, иначе, толкования *contra proferentem*). И в том, и в другом правиле толкования формализована одна и та же идея – та сторона, которая закрепила конкретные условия (вне зависимости от того, в договоре или в законе), не должна извлекать преимущество из их неясности.

В чем особенность канона снисходительности в сравнении с иными канонами толкования? В том, что судебная практика рассматривает его как последний инструмент в толковании уголовно-правовых норм, оставляя его лишь на те случаи, когда неясность закона не может быть устранена никакими иными способами.

В уголовном деле *Shular v. United States* Верховный Суд США прямо указывает, что этот канон используется только тогда, когда смысл неясного закона не удалось установить *«с помощью традиционных канонов»*. Этим суд фактически алгоритмизирует интерпретационный анализ уголовно-правовой нормы, который, по его мнению, должен начинаться с иных правил, не отдающих автоматически приоритет одной или другой стороне дела.

Источники и литература

- 1) Есаков Г.А. *Mens rea* в уголовном праве США: историко-правовое исследование / предисл. О. Ф. Шишова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 553 с. (С. 223–225).
- 2) Козочкин И.Д. *Уголовное право США. Успехи и проблемы реформирования*. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 75. (478 с.).
- 3) Llewellyn K.N. Remarks on the theory of appellate decision & the rules or canons about how statutes are to be construed // *Greenbag*. 2002. No. 5. P. 297-316.
- 4) Scalia A., Garner B. *Reading Law. The Interpretation of Legal Texts*. St. Paul: Thompson / West. 2012. 568 p.